

«Свобода» и «рабство» в русской литературной традиции (на материале дилогии Ю. Домбровского «Хранитель древностей», «Факультет ненужных вещей»)

«Свобода» и «рабство» в русской литературной традиции

(на материале дилогии Ю. Домбровского «Хранитель
древностей», «Факультет ненужных вещей»)

Елена Владимировна Красикова*

Аннотация

В статье отмечается актуальность исследования темы свободы и рабства в процессе изучения истории русской литературы. В аспекте данной темы дан краткий анализ ряда произведений русской классики. Основное внимание уделяется закономерностям проявления свободы личности и анализу феноменов психологического и идеологического рабства в дилогии Ю. Домбровского «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей».

Ключевые слова: свобода, рабство, психология, идеология, символ, сюжет, система персонажей

* Автор для Национального политического университета русского языка и литературы

От автора

Антиномия *свобода и рабство* существует на протяжении всей истории человечества. Тема эта необъятно велика, даже если ограничить себя рамками определенной исторической эпохи. Поэтому автор не претендует на полноту охвата материала, а намечает лишь пунктир в движении темы свободы и рабства в русской литературе новейшего времени, сосредоточив внимание на анализе диалогии Ю. Домбровского, в которой эта антиномия является доминирующей. Писатель прошел через сталинские лагеря, но сумел остаться творческой, независимой личностью, недаром один из критиков назвал его *homo liber* — свободный человек, и неудивительно, что его романы посвящены в основном этой теме.

I. Особенности исторического развития России. Понятия *свобода и рабство*.

Одной из основных особенностей исторического развития России по сравнению с другими европейскими странами является, безусловно, многовековое, отмененное лишь в 1861 году крепостное право, при котором крестьяне, составлявшие большинство населения страны, являлись собственностью помещиков и практически были лишены гражданских прав. В течение нескольких веков последовательно и жестко взаимосвязанно формировались типы рабской зависимости. Экономические формы рабства постепенно закреплялись в законодательных актах, оформляя эту зависимость как юридическое право. Ситуация экономической и юридической несвободы, в свою очередь, породила определенный, весьма живучий тип психологии — *психологию раба*. Рискнем высказать

небесспорную мысль о том, что психологическое рабство представляет собой онтогенетическое явление, т.е. не только формируется под влиянием внешних обстоятельств (ситуации в обществе, среды, воспитания), но и обладает генетической памятью, т.е. наследуется (вспомним слова А.П. Чехова о необходимости «по капле выдавливать из себя раба»). Такой тип психологии становится благодатной почвой для экспансии идей. В XX веке формируется и достигает своего расцвета новая форма несвободы — идеологическое рабство, люди становятся рабами внедренной в их сознание идеи.

Формально после революции в России, позже в СССР, было построено самое свободное общество в мире, широкие права личности закреплялись в Конституции — основном законе страны. На деле же было создано государство, где господствовала догматическая идеология, внедрявшаяся в сознание людей благодаря жесткой иерархической структуре партии и полного контроля политической элиты над всеми сферами жизни. По сути это было государство, не имевшее аналогов по степени порабощения личности, поскольку ему требовались теперь не только "труд и время земледельца", но и его сознание, его душа. При этом для достижения цели — полного идейного единодушия и подчинения — использовались любые методы давления, включая насилие в виде массовых репрессий и физического уничтожения несогласных.

Психологическое рабство существует в двух основных разновидностях. Доминантной чертой первой разновидности является покорность, смирение с существующим положением вещей, т.е. с положением раба, зависимого человека, осознаваемым как безысходное. Другая разновидность, появившаяся несколько позже, — это лакейство, которое можно определить

как добровольное рабство. Родившись в недрах крепостного права, этот тип расцвел уже после его отмены и представляет собой внутренне согласие на самоуничтожение, при этом мотивы могут быть самыми разными.

Идеологическое рабство предполагает зависимость мышления человека от господствующих в обществе идеологических догм, неспособность и нежелание самостоятельно мыслить, познавать мир, сомневаться в верности провозглашаемых вождем (государством) истин.

Человек рождается свободным, рабом-он становится по воле других людей, естественно поэтому, что всегда и везде, где бы ни появлялось рабство в самых разных его проявлениях, ему противостояло стремление к свободе. В русской исторической традиции следует различать два близких, но не идентичных понятия: *свобода* и *воля*. *Воля* — это стихийное проявление стремления человека к свободе, не ограниченное нравственным законом. Все крестьянские бунты и войны, все русские революции есть не что иное как стихийное проявление стремления к свободе людей, задавленных гнетом, но не склонных по натуре своей к покорности и смирению. Проблема свободы и воли чрезвычайно актуальна в России и по сей день и связана, прежде всего, с институтом государственности. Приведем в заключение этой части слова Б. Окуджавы, в которых определяется разница между свободой и волей в России, как она видится писателю: «В России никогда не было института свободы. Было понятие воли и стремление к воле, то есть к свободе вне рамок закона. На первый взгляд разницы между свободой и волей вроде бы нет, а на самом деле она весьма существенна. Если в состоянии воли ты можешь делать все, что хочешь, то в состоянии свободы ты тоже можешь делать все, что хочешь, но так, чтобы не мешать окружающим» (8, 26).

II. *Свобода и рабство* в русской литературе XIX—XX веков.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что автор не ставит перед собой задачи хоть сколько-нибудь полного и глубокого исследования темы *свободы* и *рабства* в русской литературе XIX—XX веков — такая задача слишком велика для одной статьи — а лишь стремится проиллюстрировать рядом хрестоматийных примеров тот факт, что эта тема занимала умы не одного поколения русских писателей.

Очевидно, что она является одной из центральных в творчестве А.С. Пушкина. В ранний период («Вольность», «Деревня») поэт занимает прежде всего юридический аспект проблемы — крепостное право в России. Увлеченный идеями французского Просвещения, он надеется на отмену юридического рабства самой властью: «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный и рабство, падшее по манию царя, и над отечеством свободы просвещенной, взойдет ли наконец прекрасная заря?» (1, т.1, 361). Использование эпитета «просвещенная» указывает на европейские корни понятия свободы, означающей в данном случае равенство граждан перед законом. Позднее приходит разочарование в просветительских способах совершенствования общества. Причем разочарование относится как к власти, не желающей либо не способной ни на какие изменения, как к народу, покорному своей судьбе, так и к собственной миссии глашатая свободы («Свободы сеятель пустынный я вышел рано, до зари...»). Здесь речь идет уже не о юридическом, а о психологическом типе рабства: «Паситесь, мирные народы! Вас не рабудит чести клич. К чему стадам дары свободы? Их должно резать или стричь» (1, т.2, 160). Блестящий образ раба дан в философской притче о распространении зла в мире, стихотворении «Анчар»:

«И раб послушно в путь потек ...». Собственно выбор у него невелик: смерть как наказание за ослушание или смерть от яда анчара. Но суть в том, что этот выбор перед ним и не стоит, он покорно, не рассуждая исполняет волю господина. Покорность и смирение приводят к физическому самоуничтожению.

Другим типом реакции на ситуацию гнета является стихийная тяга к воле, разрешавшаяся в истории России «жестокими и кровавыми» бунтами. Этот тип находим в «Капитанской дочке», в образе Пугачева, а наиболее яркое проявление его — в сказке о Вороне и Орле. Здесь воля дана как абсолют, как священная цель, более высокая, чем физическое бытие. Подводя итог можно сказать, что в творчестве Пушкина встречаются практически все модификации понятий *рабства* и *свободы*: и юридический (экономический), и психологический типы рабства, и свобода как равенство перед законом, и воля как возможность неограниченного проявления натуры.

Тема покорности и смирения развивается далее Лермонтовым («Прошай, немытая Россия — страна рабов, страна господ...»), Некрасовым («Иль, судеб повинуюсь закону, все, что мог, ты уже совершил, — создал песню, подобную стону, и духовно навеки почил» (3, т.2, с. 49)). А в поэме «Кому на Руси жить хорошо» развивается тема пугачевской вольницы, стихийного бунта (Савелий); появляется новый тип психологического рабства — лакейство, т.е. добровольное рабство, — знак изуродованной ненормальными социальными отношениями природы человека. Позже, в литературе конца XIX века, развивается именно этот тип, особенно ярко представленный в творчестве А.П. Чехова («Смерть чиновника», «Хамелион», «Дама с собачкой»).

После революции ситуация принципиально меняется: люди, прежде находившиеся под давлением, обретают свободу действий и волеизъявления.

Чрезвычайно показателен в этом плане рассказ И. Бабея «Иваны» («Конармия»). Как же ведет себя психологический раб в ситуации свободы? Красноармеец Иван Акинфиев говорит пленному дьякону Ивану Агтееву: «Надругаюсь я над тобой, Вань, как пить дать надругаюсь» (5, 86). Именно «надругаюсь» - не уничтожу, не казню, а надругаюсь, унижу. Сколько лет он сам терпел унижения и надругательства, и вот теперь пришло его время — можно вернуть миру долг. Как это ни парадоксально, но для психологического раба свобода означает прежде всего возможность поставить другого в положение раба, выместить свое прошлое унижение, поглумиться над тем, кто оказался в его власти. Но здесь возникает и принципиально новый момент. То, что красноармеец Иван Акинфиев *медленно и изощренно* убивает дьякона — свидетельство его психологического рабства, но то, что он его *убивает* — проявление нового типа рабства — *идейного*: один Иван убивает другого, потому что тот, другой, живет и думает, по его понятиям, не так, как должно, а значит, он враг. Именно этот тип рабства и становится объектом пристального внимания Ю. Домбровского, но главное для него, конечно, не раб, а свободный человек, свободный всегда и везде, даже в застенках, даже перед лицом смерти.

III. Дилогия Ю. Домбровского «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей».

1. Общая характеристика дилогии.

Действие романов происходит в 30-ые годы — время, на которое пришелся пик сталинских репрессий. Место действия — Казахстан, Алма-Ата и ее окрестности. Главный герой обоих романов — Георгий Зыбин, историк

по специальности, научный сотрудник исторического музея — отсюда название первого романа. Сюжет "Хранителя древностей" не поддается описанию, т.к. роман состоит из множества на первый взгляд разрозненных эпизодов, связанных не столько событийно, сколько логикой авторской мысли, о чем мы будем говорить позже. Событийной канвой "Факультета ненужных вещей", так Зыбин называет юридический факультет, поскольку в стране творится беззаконие и произвол, является арест Зыбина органами НКВД, следствие по его делу и освобождение.

Главный герой — человек неординарный, во многом схожий со своим создателем — homo liber. Что же такое свободный человек в понимании Домбровского? Три базовых мировоззренческих принципа, три закона определяют, с его точки зрения, свободу личности. *Первый*: понимание того, что *все в мире взаимосвязано* ("связь всего со всем") и что, помимо внешних, видимых связей, существуют "непрослеживаемые нити", соединяющие "космос и сосну", "куст орешника и созвездие Ориона", т.е. осознание целостности и единства мира. *Второй*: *равенство всего живого*; в этом мире все подчинены общему закону, и этот общий закон есть *отрицание сознательного насилия одного живого существа над другим в любой форме*. Когда Зыбин видит, как страшно умирает гигантский краб, купленный им для возлюбленной, он вдруг понимает, что от него исходит зло: "Вот уж не думал, что во мне сидит такой скот! Обречь кого-то на медленное мучительное умирание..." (7, № 9, 138) — и относит полуживого краба в его стихию — в море. *Третий*: *в мире нет ничего выше духовной свободы*, понимаемой как верность себе, своему предназначению, сохранение человеческого достоинства в любой ситуации, даже в ситуации выбора между жизнью и смертью, т.е. *свобода ценнее жизни*.

2. Проблема свободы и рабства в романе «Хранитель древностей».

"Хранитель древностей" — философский роман особого типа, в котором концептуальная мысль произведения представлена не в рассуждениях автора, а через систему персонажей и ключевой символический образ Змея. В романе рассматривается гносеологический аспект философии, т.е. закономерности познания человеком окружающего мира, конкретнее — соотношение реального и фантастического в отраженном в человеческом сознании образе мира. Забегая вперед, заметим в связи с темой данной статьи, что способность адекватного отражения действительности обусловлена свободой сознания от идеологических догм, а идейное рабство неизбежно приводит к созданию фантастической, искаженной картины мира.

Структура символа змея в этом романе нетрадиционна. Обычно слово-символ имеет одну номинацию и несколько денотатов, в «Хранителе древностей» наоборот. Слово-символ постоянно варьируется, хотя остается в одном семантическом поле: *змея-фантом*, т.е. нечто существующее лишь в воображении, *библейский зверь*, *чудо-юдо*, *похожая на дракона змея*, *гость из далекой Индии*, *бова-конструктор*, *удав*, *гигантская рептилия*, *огромная змея*, *гадючка*, *черный полоз*, *дохлый змей*. Природа денотата неясна почти до самого конца романа: реально существует змей или только в воображении, а если реально, то какова доля вымысла при его восприятии людьми. Таким образом, особенность структуры данного символа — множественность номинаций непознанного явления действительности, которое только в конце романа определяется как реальный объект и получает соответствующее обозначение. Сам факт множественности, а также характер номинаций в структуре символа змея определяет основные составляющие его значения: различное соотношение реального и фантастического в отраженном образе

мира, природа искажений, их корни, обратная связь с реальностью. На основе характера разнообразных номинаций единого объекта выделяется несколько типов восприятия действительности. А так как любая типология представляет собой некую систему, можно говорить о том, что символ змея позволяет установить внутреннюю взаимосвязь внешне разрозненных элементов романа. Все типы расположены между двумя полюсами: абсолютно адекватное восприятие (змея есть, называется черный полоз) и абсолютное искажение (змеи нет, это фантом). Собственно, в связи с темой данной статьи нас интересуют именно эти два полюса.

Итак, первый тип — люди, для которых реальность первична. В процессе ее познания могут возникнуть некоторые искажения, элементы мифологизма, фантастики, но это преодолевается на последующих этапах развития человеческой мысли. Сюда относится и художественное творчество, поскольку истинный художник, изображая мир не отрекается от него, а познавая его, одевает в формы, подсказанные фантазией. Такой тип сознания является интеллектуально свободным, так как не связан ничем, кроме объективных законов развития. Наиболее совершенным его воплощением в романе является главный герой Георгий Зыбин, способный на глубокое осмысление действительности по пути познания невидимых связей, соединяющих единичное и целое, природу и общество, прошлое и настоящее.

Второй тип — люди, для которых первична порожденная человеком догматическая идея. В соответствии с этой идеей они стараются пересоздать действительность, разрывая естественные связи и отношения как в обществе, так и в мире в целом. Довольно большая группа образов в романе как раз и представляет такой тип мировосприятия: Аюпова, замнаркома, сотрудники

органов безопасности. Все они так или иначе склонны к созданию фантомов на основе идеологической схемы, внедренной в их сознание. Фантомный тип сознания является проявлением идеологического рабства, которое становится особенно опасным, когда возводится в ранг государственной идеологии. Но деспоты умирают, гигантские фантомы рушатся, а мир остается, огромный, текучий, таинственный и прекрасный, мир, в котором «все связано со всем». Очевидно, что в этом романе реализуется первый закон свободного человека — *осознание целостности и взаимосвязи всего сущего*. О двух других законах речь идет в романе «Факультет ненужных вещей».

3. Проблема свободы и рабства в романе «Факультет ненужных вещей».

Эта проблема является центральной в романе и реализуется в двух антитезах, которые в свою очередь противопоставлены друг другу. Георгий Зыбин арестован, ведется следствие. Формально он заключенный, но его поступки и поведение определяются законами свободной личности, именно благодаря этому он одерживает победу в противостоянии репрессивному аппарату. Напротив, представители власти, в данном случае следователи разных рангов, формально свободны, но фактически они рабы идеи, пленники обстоятельств, заключенные эпохи.

Рассмотрим по подробнее каждую антитезу, начав с последней. Несвобода следователей НКВД проявляется прежде всего в том, что воля вождя для них непререкаема, его идеи воспринимаются как абсолютная, конечная истина, неподвижная, непреходящая, монументальная, окаменевшая. Здесь мы видим наиболее полное, совершенное проявление идеологического рабства, поскольку даже в самых жестких формах религии, регламентирующих быт и

бытие человека, носителем истины является все-таки не конкретный человек, а некое высшее существо — Бог.

Далее, эти люди живут и действуют по схеме, воспринятой ими извне, их поведение стереотипно, а стереотип продиктован идеологическими установками. Любое отклонение от стереотипа карается, и тогда они сами могут из следователей превратиться в подследственных. Все это им прекрасно известно, поэтому в их душах постоянно живет страх. Страх — их тюремщик, еще более жестокий и неумолимый, чем они сами по отношению к заключенным. Несмотря на то, что они не ведают сомнений на поприще «правосудия», которому истово служат, страх и тоска вызывают в каждом из них крамольную мысль о бегстве. Характерно, что это «мысленное» бегство однотипно у разных людей — они бегут из тисков стереотипа и страха к природе и любви: Штерн — к морю, к Полине; Нейман — в горы, к Мариэтте. В сущности, в них говорит естественное человеческое начало — стремление к природе и свободной жизни, присущее каждому человеку. Однако добровольный раб не в состоянии разорвать свои оковы. Выбор был, и выбор был сделан ими самими, поэтому тоскливая мысль о бегстве становится лишь знаком невозможности исхода из сознательно избранного тупика судьбы.

Напротив, для людей, подобных Зыбину, в слиянии с природой проявляется гармония мира, порождающая в человеке ощущение полноты и радости бытия. Напомним, здесь действует первый закон свободной личности. В ситуации формальной несвободы реализуются два других закона: *равенство всего живого, недопустимость сознательного насилия и признание свободы духа, верности своему предназначению высшей ценностью по сравнению с биологической жизнью.*

В «Факультете ненужных вещей» так же, как и в «Хранителе древностей», важную роль играет образ-символ. Здесь это гигантский краб. Когда-то давно однокурсница Зыбина, в которую он был влюблен, попросила привезти ей с Черного моря необычного краба, которого ей хотелось поставить на свой письменный стол как украшение. После долгих безуспешных попыток Зыбину удалось наконец добыть такого краба, и он посадил его под кровать, надеясь, что там краб без воды быстро умрет.

История с крабом «особой породы» предваряет узловые моменты развития основной сюжетной линии романа, является ее смысловой параллелью: арест — заключение — освобождение Зыбина. Арест был обусловлен, с одной стороны, стечением обстоятельств и случайностей, с другой — особенностями его личности, своеобразной, яркой, не укладывающийся в рамки существующих стереотипов. Был он, как и краб, «особой породы» среди себе подобных. Краба также выдернули из родной стихии по воле обстоятельств (влюбленность Зыбина) и в силу его уникальности. Заключение для Зыбина становится непримиримой борьбой и одновременно медленным умиранием физической оболочки. То же с крабом: он пыгается бороться: «до крови заклешил ему (Зыбину—Е.К.) палец и неотвратно угасает: «глаза проросли белыми пятнами», «на панцире появилось что-то вроде плесени» (7, № 9, 138). Однако на этом соответствия в их судьбах заканчиваются. Освобождение краба, возвращение его в родную стихию — результат позднего, но, по счастью, не запоздалого раскаяния Зыбина, пережившего чувство мучительного стыда при виде страшно умирающего краба. Эта история становится для него важной жизненной вехой, приводит к прозрению. Отныне и навсегда он знает, что причинить боль другому существу, каким бы оно ни было, — преступление.

В конце романа Зыбина по странному стечению обстоятельств освобождают. Но не только прихоти судьбы обязан он своим освобождением, но и тому прозрению, которое пришло к нему при виде умирающего краба, когда он ощутил равенство всего живого, особенно ясно проявляющееся в минуты страдания, перед лицом смерти. Это прозрение породило в нем чувство внутренней свободы, дало силу противостоять беспредельному скотству. Вот почему, лёжа на холодном полу карцера, грязный, небритый, в полном неведении относительно своего будущего, «он смотрел куда-то вовне себя. Он знал теперь все. И был спокоен» (7, № 9, 139).

Ситуация выбора между внешней и внутренней свободой, между жизнью и смертью порождает третий закон свободы личности — примат духа над телом. С самого начала заключения, самого первого допроса Зыбин вступает в смертельную схватку с тюремщиками за право оставаться самим собой, не поддаваясь самому жестокому физическому и психологическому давлению. Никакие методы, никакие ухищрения следователей не в состоянии подавить волю Зыбина, его внутренний мир неподвластен насилию. Это дает ему силу уже в конце заключения, после бесконечных допросов, карцера, произнести обвинительную речь всему сословию «сталинских соколов». Называя этих людей «планктоном, слизью на поверхности океана», он мыслит как историк, как философ, как свободный человек, понимая, что все они с их идеями, стереотипами, стремлением зажать все живое в тиски мертвых догм — временное, преходящее и, в принципе, мизерное явление в сравнении с гигантским «океаном» жизни.

Для Домбровского идея внутренней свободы, не разрушаемой даже реальной опасностью смерти, имеет абсолютную ценность: искушение остаться в живых надо «преодолеть смертью, но умереть осмысленно и

свободно ... как сын человеческий». Это справедливо для Зыбина. Это справедливо и для Христа, потому что отречение от себя во имя физического выживания есть предательство себя, духовная смерть и неминуемое небытие учения.

В романе существует двойная дублирующая система образов — прошлого и настоящего, две параллельные сюжетные линии — следствие над Зыбиным и суд над Иисусом. Обращение к этому эпизоду жизни Христа не случайно. Домбровский, конечно, ставил перед собой и конкретно-историческую задачу — показать государственный произвол в отношении личности в Советском Союзе в 30-е годы, но в силу особенностей своего миропонимания он не мог ограничиться рамками определенной эпохи, как бы ни была она трагична и значима. В ситуациях, раздленных почти двумя тысячелетиями, он увидел не только внешнюю схожесть процедурного характера, но и единые философские и психологические закономерности. Прежде всего это касается конфликта между государством и личностью. В данном случае речь идет о личности в ее свободном волеизъявлении и догмы, канона, воплощенного в одном случае в религиозной, в другом — в идеологической системе, обладающих силой государственного закона.

Общеизвестно, что слова Иисуса: «Я разрушу храм Божий и снова воздвигну его в три дня» были восприняты как покушение на чистоту религии, на священные догматы иудаизма, за что он и был предан суду синедриона. Ни одно из Евангелий не свидетельствует о том, что проповедь Иисуса была прямо направлена на подрыв основ иудейского вероисповедания, а тем более устоев римской империи. Но, по словам одного из героев романа, говорил Иисус так, что «всем было ясно, что он

отрицает все — императора, власть императора, богов императора, мораль императора» (7, № 9, 51). Не будем останавливаться на том, насколько эта трактовка соответствует каноническому тексту Евангелия. Домбровскому она нужна для установления несомненно существующей глубинной общности двух разведенных во времени личностей. Ведь и Зыбин, не осуждая режим открыто говорит так, что всем становится ясно, что он против «власти и морали императора». Таким образом, и в том и в другом случае мы сталкиваемся с личностью, открыто, хотя и не прямо, противостоящей существующим догматам веры, личностью, в которой сознание необходимости свободы и права побеждает инстинкт самосохранения. Каждый из них понимает, что за это придется платить, возможно, жизнью, и каждый выбирает крестный путь.

Согласно процедуре суда святого синедриона, обвиняемого «заставляют повторить свое богохульство. Затем приглашают его отречься от своего взгляда. Если он отказывается, то... его побивают канями» (9, 186). У Иисуса есть свобода выбора. Он может отречься, искушение велико — жизнь, но тогда синедрион победил, «Хриса нет. В мире ничего не состоялось. История прошла мимо» (7, № 9, 79). Иисус выбирает смерть, умирая «осмысленно и свободно». К такому же решению внутренне готов Зыбин. И хотя ситуация складывается так, что ему не приходится делать выбор между компромиссом с властью и смертью, его следователи чувствуют эту готовность, в которой заключено поражение насилия и торжество свободы.

В заключение хотелось бы отметить, что тема свободы и рабства в самых разнообразных ее проявлениях заслуживает пристального внимания исследователей, поскольку актуальна не только для прошлого, настоящего, но и для будущего человечества, актуальна до тех пор, пока в мире

существует насилие.

Литература:

1. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Тома 1, 2, 6. М., 1956.
2. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений в 4-х томах. Том 1. М., 1975.
3. *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений в 15-ти томах. Тома 2, 5. Л., 1981.
4. *Чехов А.П.* Собрание сочинений в 8-ми томах. Тома 2, 6. М., 1970.
5. *Бабель И.* Конармия. М., 1990.
6. *Домбровский Ю.* Хранитель древностей. – М.: Известия, 1991.
7. *Домбровский Ю.* Факультет ненужных вещей. «Новый мир», 1988, № 8-11.
8. *Александрова А.С. и др.* Русский язык как иностранный. Современная Россия. Политика. Экономика. Культура. М., 2000.
9. *Ренан Э.* Жизнь Иисуса. Апостолы. Минск, 1991.